

Глава 40

Когда Инь Чжоу, чьё дыхание прерывалось от волнения, сорвался на это имя, он даже не сразу осознал свою оплошность.

Трудно было сказать, что взяло верх: то ли он слишком глубоко погрузился в образ, то ли его собственные чувства на мгновение затмили актёрскую игру. В ту секунду он и Ло Цянь словно слились в одно целое.

Паника, сопротивление, мольба и едва уловимая, бессознательная слабость.

Сердце Гу Цинсю пропустило удар.

Инь Чжоу звал не Силин Суфэна. Он звал Гу Цинсю.

В этом коротком возгласе слышалась просьба о пощаде, обращённая лично к нему.

Это осознание отозвалось в груди Гу Цинсю странным, будоражающим чувством. Человек, который всегда держался особняком, был силён и не привык проигрывать, под его натиском лишился своей брони. Юноша был вынужден обнажить перед ним свою истинную, незащитную суть.

И эта суть источала мягкость и нежность, пробуждая в Альфе желание проникнуть ещё глубже, испытать этот аромат до последней капли.

Его захлестнула волна внезапного торжества и глубокого удовлетворения.

В душе Гу Цинсю бушевал шторм. Жажда контроля и инстинкт завоевателя наконец обрели цель. Ему хотелось следовать по этому пути до самого конца, не сворачивая и не останавливаясь.

Несмотря на водоворот мыслей, внешне Гу Цинсю оставался бесстрастен. Он лишь на мгновение замер, прежде чем убрать руку, прижимавшую Инь Чжоу к полу.

— Всё отлично, если не считать того, что в самом конце ты перепутал имя! — Голос Линь Юймина, усиленный рупором, разнёсся над съёмочной площадкой. — Состояние передано безупречно. Оба — отдыхайте. Идите сюда, посмотрите повтор. Инь Чжоу, запомни это ощущение. Думаю, переснимать всё не придётся, ограничимся только финальной репликой. Идите же скорее, как раз учитель Чэнь подошёл, он даст вам пару советов.

Инь Чжоу всё ещё пребывал во власти эмоций. Даже когда партнёр отстранился, юноша не сразу пришёл в себя, продолжая неподвижно лежать на полу.

Видя, что тот не шевелится, Гу Цинсю уже протянул руку, чтобы помочь ему подняться, но внезапно его взгляд упал на шею актёра. На светлой коже Инь Чжоу алели отчётливые следы — отпечатки пальцев, слишком сильно прижавших его к полу.

Рука мужчины, замершая на полпути, так и не коснулась его.

В этот момент юноша очнулся. Опираясь на руки, он медленно сел. Собираясь встать, он почувствовал на своём затылке чей-то пристальный, обжигающий взгляд. Обернувшись, он встретился глазами с Гу Цинсю.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Первым тишину нарушил старший коллега:

— Прости. Кажется, я тебя напугал.

Ощущение от грубого прикосновения пальца к шее всё ещё не прошло, а виновник этого стоял перед ним на одном колене, смиренно сложив руки по бокам и глядя на него с явным сожалением.

Полная противоположность тому властному генералу из кадра. Казалось, он больше не представляет угрозы.

Однако их всё ещё разделяло ничтожно малое расстояние. Гу Цинсю находился на самой границе зоны комфорта Инь Чжоу, даже слегка переступив её. Из-за этой близости у юноши возникло обманчивое чувство, что хищник лишь временно затаился и в любую секунду может снова пойти в атаку.

Словно могучий зверь, объявивший короткое перемирие перед новым броском.

Инь Чжоу тихо выдохнул. Несмотря на понимание того, что собеседник больше не «нападёт», его тело всё ещё было сковано инстинктивной тревогой. Он не мог полностью расслабиться и не спешил уходить, продолжая в напряжении смотреть на партнёра.

— Ничего страшного, учитель Гу. Вы играли очень убедительно, и я невольно поддался вашему напору. Это моя вина — я сорвался на имя.

Почувствовав настороженность юноши, Альфа добровольно сделал шаг назад, покидая его личное пространство.

— Идём. Режиссёр Линь ждёт нас у мониторов.

Только тогда Инь Чжоу поднялся на ноги, слегка нахмурившись. Он чувствовал, что вёл себя

как солдат перед лицом смертельной опасности, и, судя по всему, Гу Цинсю это заметил.

Там, на полу, он действительно ощутил пугающее давление и почти физическое посягательство на свою свободу. Это пробудило в нём, как в Альфе, инстинктивную неприязнь и враждебность.

Но, если быть честным, Гу Цинсю всё делал правильно. Силин Суфэн в этой сцене и должен был быть именно таким — он должен был сломить волю Ло Цяня, запугать его.

Просто сам юноша ещё не привык к подобному. Будь на его месте Омега, он бы наверняка повёл себя иначе — просто обмяк бы под этим напором, признавая поражение.

Но он — Альфа, и потому любая попытка подавления воспринималась им в разы острее. Даже осознавая, что это всего лишь роль, контролировать инстинкты было невыносимо трудно.

«Нужно чаще контактировать с ним, — решил Инь Чжоу. — Пройти через эту десенсибилизацию»

Они направились к мониторам. Внимание персонала было приковано к ним; многие, раскрасневшись, оживлённо перешёптывались с коллегами.

Ся Лян застыла, во все глаза глядя на Инь Чжоу. Она до сих пор не могла прийти в себя. Помощница видела уже две сцены с его участием, и с каждым разом ей было всё труднее отвести взгляд.

Это было нечто совершенно иное, нежели его Су Цин.

Учитывая его природную красоту, в этом образе актёр выглядел на удивление гармонично. Ни тени фальши!

Слишком Омега! Слишком правдоподобно!

В кадре от прежнего Инь Чжоу не оставалось и следа. То, как он метался под рукой Альфы, выглядело чертовски соблазнительно. Ся Лян, которой всегда нравились исключительно женщины-Омеги, на мгновение сама почувствовала укол влечения.

Она была уверена: на площадке не осталось ни одного Альфы, Беты или Омеги, кто бы не замер в оцепенении, глядя на эту сцену.

А что же Гу Цинсю?

Ся Лян взглянула на него. Лицо мужчины было непроницаемым, а взгляд — даже холодным. Ни единого признака того, что он поддался очарованию партнёра.

«Истинный мастер, — восхитилась она. — Инь Чжоу повезло с партнёром. Можно не опасаться, что кто-то воспользуется ситуацией и начнёт распускать руки, приняв его за настоящего Омегу».

Впрочем, юноша и сам был Альфой, так что слово «воспользоваться» здесь было не совсем уместным.

У мониторов сценарист Чэнь Сяньвэнь, пришедший незаметно, вместе с Линь Юймином увлечённо просматривал отснятый материал. Лица обоих были предельно серьёзны.

Заметив актёров, сценарист замахал им рукой.

— Прекрасно, просто прекрасно! Ваше столкновение подарило мне массу идей. Взгляните сами. Инь Чжоу, мимика — выше всяких похвал. Гу Цинсю, тот твой маневр действительно его напугал, да? Реакция вышла пугающе живой, ха-ха! Но ты молодец, не выпал из образа, довёл сцену до конца.

Когда партнёры подошли, на экране как раз прокручивали момент, где Силин Суфэн прижимает Ло Цяня к полу. Инь Чжоу замер, глядя на своё отражение.

Почему это выглядит настолько... порочно?

Его прерывистое дыхание, выражение лица — всё это дышало неприкрытой страстью. Первобытный зов течки, беспомощный протест под гнётом чужой воли и растерзанный воротник придавали его образу какую-то мучительную притягательность, пробуждая в зрителе тёмное желание подчинять...

Образ Омеги был воссоздан с пугающей точностью.

Честно говоря, он сам почувствовал, как к лицу приливает жар. Дело было не в смущении из-за интимной сцены — он знал, на что шёл, соглашаясь на роль, и это был далеко не первый его опыт подобных съёмок.

Просто в этот раз юноша ощущал какой-то странный, необъяснимый дискомфорт.

— Этот фрагмент гарантированно взорвёт сеть, вот увидите! — Чэнь Сяньвэнь так и светился от восторга. — Твой Ло Цянь просто великолепен! Сценарий не способен передать все нюансы, тут всё зависит от мастерства актёров. Вам нужно держаться этого курса. Никакого прямого соблазнения — пусть оно сквозит в каждом жесте, в каждом взгляде. Один поворот головы, мимолётный взор должны будоражить воображение. Не нужно давать зрителю всё на

блюдечке, это было бы слишком пошло. Оставьте простор для фантазии. Вы идеально чувствуете эту грань! Вы уже репетировали это вдвоём?

Инь Чжоу, стряхнув наваждение, ответил:

— Мы обсуждали характеры наших героев.

— Верно, — поддержал сценарист. — Говорить о персонажах и их взаимоотношениях — это единственный путь. Когда вы досконально понимаете своих героев, всё остальное проявляется само собой. Чем больше вы пытаетесь «играть» соблазнение, тем хуже результат. Не нужно делать это намеренно.

Мужчина мог говорить часами, и Линь Юймин не прерывал его, поскольку тот озвучивал и его собственные мысли.

За время этого разговора Инь Чжоу успел взять себя в руки. Он был профессионалом, и конечный результат на экране значил для него больше всего. Выслушав режиссёра и сценариста, он окончательно успокоился.

Взглянув на экран со стороны, он признал: химия между ними в кадре была невероятной. Во время съёмок он не мог видеть Гу Цинсю, но теперь, глядя на монитор, он замечал множество деталей и вспоминал своё состояние.

— Учитель Гу действительно велик, — искренне улыбнулся он. — Работать с ним — одно удовольствие.

Это не было пустой похвалой. Он давно не встречал актёра, способного так глубоко влиять на него самого.

— Согласен, — кивнул Линь Юймин. — Я никогда не сомневался в способностях учителя Гу. Если он в кадре, за качество игры можно не беспокоиться. Он из тех редких актёров, кто умеет вытянуть партнёра на новый уровень.

Гу Цинсю взглянул на Инь Чжоу:

— Я не смог бы вытянуть сцену в одиночку. Инь Чжоу играет великолепно. Его игра пробуждает во мне ответный азарт.

— О, это высокая оценка! — Линь Юймин довольно хлопнул в ладоши. — Инь Чжоу, у тебя несомненный талант. Раз уж сам учитель Гу так хвалит тебя, не сбавляй оборотов. К концу съёмки ты многому научишься.

Юноша согласно кивнул.

— Кстати, мы тут с учителем Чэнем обсудили... Сцену, где ты ошибся в тексте, мы соединим со следующим эпизодом...

После этого Линь Юймин и Чэнь Сяньвэнь ещё раз подробно разобрали предстоящую сцену, обсуждая нюансы, чтобы эпизод с нанесением мази прошёл без сучка и задоринки.

— Ты уже наклеил пластырь на железу? Хорошо. Нам предстоит непростая работа, так что заранее прошу прощения за неудобства.

Инь Чжоу кивнул:

— Без проблем. Учитель Гу, не стесняйтесь, делайте всё так, как того требует роль.

— Именно. Постараемся снять с первого дубля, — добавил режиссёр.

Линь Юймин прекрасно понимал: для одного Альфы позволить другому касаться своей железы — дело крайне неприятное. Пластырь для железы немного спасает ситуацию, но он слишком тонок, чтобы полностью лишить человека ощущений. Поэтому нужно было уложиться в один дубль. Если затянуть, Альфа может начать инстинктивно сопротивляться, и эффект от сцены будет безнадежно испорчен.

— И ещё, подойдите-ка оба. Я хочу немного скорректировать мизансцену. Изменим освещение и композицию кадра. Ваша игра натолкнула меня на одну идею, хочу сделать картинку ещё более выразительной.

Для режиссёра такая внезапная смена курса прямо в процессе съёмок была обычным делом. Инь Чжоу и Гу Цинсю вернулись на исходную позицию.

— Давайте, занимайте те же позы. Где осветители? Идите сюда, нужно поправить свет. Отражатель несите, живее!

Линь Юймин мгновенно погрузился в работу, раздавая указания персоналу.

Приведя одежду в порядок, Инь Чжоу снова опустился на пол. Его партнёр встал на колени рядом, оперевшись одной рукой в пол возле головы юноши.

В тот момент, когда тот начал склоняться над партнёром, Инь Чжоу, вспомнив о чём-то, резко приподнял голову. Они едва не столкнулись лбами.

Гу Цинсю не успел отпрянуть и лишь прикрыл его лоб ладонью, мягко перехватив затылок.

Юноша замер. Он услышал тихий, вибрирующий голос собеседника у самого уха:

— Осторожнее.

С этими словами Альфа отпустил его.

Поскольку планировалось снимать крупные планы, камеры и оборудование были придвинуты почти вплотную. Микрофон на длинной штанге завис прямо над ними, а суетящийся вокруг персонал буквально зажал актёров в тесном кольце. Свободного места почти не осталось.

Инь Чжоу взглянул на камеру, нацеленную прямо на его шею, и уже собирался что-то сказать, как вдруг Гу Цинсю подался вперёд. Его широкая грудь почти коснулась юноши.

Тот приближался с пугающей стремительностью.

Инь Чжоу инстинктивно хотел отшатнуться, но в последний миг заставил себя остаться на месте.

Он видел, как Альфа замер в полуметре от него и потянулся рукой к его уху. Оказалось, мужчина лишь хотел отодвинуть подальше чаши с травами и склянки, которые Инь Чжоу мог случайно задеть и опрокинуть.

Закончив с этим, Гу Цинсю не спешил убирать руку. Он положил её на стол, фактически заперев Инь Чжоу в узком пространстве между своей рукой, телом и столешницей.

Альфа чуть склонил голову, глядя на юношу. В его глазах мелькнул странный огонёк.

— Неужели тот случай заставил тебя меня бояться? — вкрадчиво спросил он.

Инь Чжоу вскинул брови:

— Бояться? С чего вы взяли, что я вас боюсь?

Партнёр опустил взгляд, скользнув им по лицу юноши:

— Ты меня избегаешь.

Инь Чжоу осекся, на его лице отразилось искреннее удивление.

Но Гу Цинсю продолжал серьёзно смотреть на него.

— ...

Юноша не выдержал и негромко рассмеялся. Он вздохнул, окинув Альфу насмешливым взглядом.

— Учитель Гу, — проговорил он вполголоса, — вы, кажется, слишком заигрались и начали путать меня с Ло Цянем. Ло Цянь, может, вас и боится, но я — Инь Чжоу...

Юноша положил руку на нагрудную пластину доспехов и подался навстречу, закинув голову и приближаясь к лицу собеседника. Изгиб его шеи в этот миг казался удивительно изящным.

Со стороны их поза выглядела пугающе интимной — казалось, они шепчутся о чём-то сокровенном.

Гу Цинсю не отступил.

— Если вы позволите себе нечто подобное вне площадки, не беспокойтесь о моём страхе. Лучше подумайте о том, как уберечь своё лицо. В конце концов... — Инь Чжоу согнул пальцы и негромко постучал по панцирю на груди Альфы. — Лицо у вас породистое, будет жаль, если на нём появятся синяки и ссадины.

Доспех прилегал прямо над сердцем. Вибрация от этого стука передалась собеседнику, и ему на миг показалось, что в самой глубине его груди что-то заныло от странного, щекочущего чувства.

Стоящий на колене Альфа едва заметно вздрогнул, а уголки его губ тронула мимолётная усмешка:

— Вот как? Что ж, тем интереснее.

Они обменялись короткими, острыми взглядами, словно скрестили невидимые клинки. После этого Инь Чжоу взял у подошедшей Сяо Ян влажную салфетку и снова лёг на пол.

Напряжение рассеялось без следа, подобно пеплу на ветру.

Поскольку съёмки проходили в помещении под палящими лучами софитов, Инь Чжоу чувствовал, что взмок. Должно быть, Гу Цинсю было не легче.

К счастью, оба щедро полили себя ингибиторами, так что запах пота не выдавал их феромонов

и не мешал работе.

Однако, лёжа на полу в ожидании команды, Инь Чжоу почувствовал, как в области шеи что-то неприятно сдавливает кожу. Ощущение было крайне досадным: там одновременно пекло и невыносимо зудело.

«Должно быть, пластырь», — мелькнуло в голове.

Инь Чжоу честно пытался терпеть, но у Линь Юймина возникли какие-то технические неполадки, и начало съёмки затягивалось. От жары юноша уже дважды вытирал пот с лица.

То ли от влаги, то ли по другой причине, но зуд в области железы становился всё сильнее. В конце концов, не выдержав, он потянулся рукой к затылку.

Но не успели его пальцы коснуться кожи, как чья-то рука перехватила его запястье.

Не нужно было гадать, чтобы понять — это был Гу Цинсю.

— Что случилось?

Инь Чжоу, подперев голову одной рукой, а другую оставив в захвате Альфы, обернулся:

— Я сам хотел спросить: в чём дело?

Мужчина на мгновение замялся, прежде чем разжать пальцы:

— Я думал, ты хочешь расчесать свою железу.

Инь Чжоу вскинул бровь:

— Я и собирался её почесать. И что с того?

Гу Цинсю: — ...

На этот вопрос у него не было ответа. Бросив взгляд на шею партнёра, он спросил:

— Что-то не так?

Юноша не стал раздумывать, почему тот так печётся о его железе. Зуд стал просто

нестерпимым, и Инь Чжоу, осторожно приложив руку к затылку, сначала легонько поскрёб кожу.

Через слой пластыря движения почти не ощущались. Тогда он поднажал, впиваясь ногтями в нежную плоть.

Убедившись, что это не вызывает привычного болезненного отклика, юноша облегчённо вздохнул. Похоже, сегодня железа была не такой чувствительной, как в прошлые дни.

Тогда он двумя пальцами ухватил край кожи у железы и принялся с силой её разминать. От резкой боли зуд наконец начал отступать.

Он не слишком усердствовал, но эта острая, колющая боль, пришедшая на смену зуду, принесла ему неожиданное облегчение. Он сминал и пощипывал кожу в разных местах, блаженно зажмурившись.

Только после этого он ответил на вопрос собеседника:

— Зуд донимает. Похоже, этот пластырь совсем не пропускает воздух, ужасно неудобно. Посмотрите, учитель Гу, там нет сыпи? А то вдруг у меня на него аллергия...

Гу Цинсю ошеломлённо наблюдал за тем, как Инь Чжоу на его глазах бесцеремонно мнёт собственную железу. Сквозь полупрозрачный слой пластыря было видно, как бледная кожа медленно наливаются пунцовым цветом, покрываясь сетью ярко-розовых пятен от грубых прикосновений.

Инь Чжоу при этом то и дело издавал тихий, довольный стон:

— Ох... так-то лучше. Какое блаженство.

Гу Цинсю: — ...

Пока никто не успел заметить эту двусмысленную сцену, он порывисто схватил юношу за запястье:

— Ты что творишь?!